

ХАРАКТЕРИСТИКА СТАРООБРЯДЧЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ (конец XVII — начало XX века)

Научный руководитель — профессор А. В. Камкин

Старообрядчество как религиозное движение возникло во второй половине XVII столетия. Научное изучение данного феномена началось еще в XIX веке, но окончательные историографические итоги подводить еще рано. В полной мере можно отнести это наблюдение и к оценке уровня изученности староверия на Европейском Севере России.

В исследовании раскола на территории Карелии, Поморья и Коми края сохраняется еще немало белых пятен. Но наименее изученным остается старообрядчество Вологодчины. До сих пор отсутствует научная литература, специально посвященная исследованию раскола в нашем крае. В работах же, характеризующих старообрядчество в целом, сюжеты, связанные с Вологодчиной, занимают крайне незначительное место и фрагментарны.

Данная работа является первым опытом специального обращения к истории старообрядчества Вологодского края. В ней собраны разрозненные сведения, содержащиеся в работах по религиозной истории России, статистические данные, факты, извлеченные из опубликованных источников, приводятся собственные гипотезы.

Цель данной статьи — дать представление о степени распространения раскола в нашем крае, здешних старообрядческих очагах, идеологическом (конкретные толки, согласия) и историческом своеобразии вологодского старообрядчества, познакомить с некоторыми событиями местной старообрядческой истории. Статья носит краеведческий характер, поэтому рассматриваться данные проблемы будут в границах современной Вологодской области. Таким образом, с одной стороны, сюда войдут проблемы старообрядческой истории на территориях, не входивших в состав Вологодской губернии (Череповецкий, Устюженский, Белозерский, Кирилловский уезды), а, с другой стороны, будет исключено исследование данных проблем на территориях, ныне относящихся к Архангельской области (Вельский, Соль-Вычегодский уезды) и республике Коми (например, Усть-Сысольский уезд).

История старообрядчества в нашей области ведет отсчет с 80-х годов XVII века. В это время раскол оформляется в Поморье и начинает распространяться на более южные территории. Успеху этого процесса в

немалой степени способствовала деятельность старообрядческих проповедников. Известно, например, что один из участников Соловецкого восстания 1668–1676 годов — еkkлезиарх монастыря Игнатий — жил и проповедовал на севере нынешней Вологодской области, в поселениях вдоль дороги из Вологды в Каргополь. К нему стекались толпы народа. Вследствие розысков властей он был вынужден бежать к Онежскому озеру, где стал одним из организаторов знаменитого Палеостровского самосожжения в марте 1687 года¹.

Правительство отвечало репрессиями. Так, после знаменитого указа 1685 года, известного как «12 статей о раскольниках», предписывавшего самые суровые меры в борьбе со старой верой, в особенности с расколоучителями, на Чаронде власти при содействии церкви сожгли несколько человек, призывавших к расколу, например, кузнеца Афанасия с Озерца, предварительно подвергнув его пыткам².

Большая роль в распространении старообрядчества в западной части нынешней Вологодской области принадлежит мощному старообрядческому очагу, находившемуся в Пошехонье. Там в результате самосожжений погибла в 1670–80-х годах не одна тысяча человек. Оттуда идеи раскола легко распространились в Новгородский край, в том числе в район рек Суды и Шексны, Белого озера.

Старообрядчество находило сторонников среди некоторой части местного духовенства. Доподлинно известно, что даже Вологодский епископ Маркел (1645–1663 гг.) в душе сочувствовал антиниконовской оппозиции, хотя и не осмелился открыто пойти в раскол³.

Старообрядчество в нашем крае существовало практически только в форме беспоповщины, направления, считающего, что все истинное «священство было истреблено и что попы нового ставления «не священны суть», ибо после Никона церковь отступила от истинной веры. Но беспоповщина никогда не была едина. В силу многих причин она раскололась на ряд течений. Некоторые из них были представлены и в нашем крае.

Прежде всего здесь распространяется поморщина. Возникнув на фоне бурного старообрядческого движения в Карелии и Беломорье в первые годы после никоновских реформ, она к середине XVIII века превратилась в самое крупное и влиятельное течение в беспоповщине. Ее центром стала одна из пустыней на реке Выг (Южная Карелия). Первоначально идеология поморщины характеризовалась резким неприятием нового меняющегося мира, сильным развитием эсхатологии и антихристологии. Однако превращение Выговского общежития и его филиалов в

крупные торгово–промышленные центры, тесно связанные с экономической жизнью всей страны, привело к отходу от прежнего радикализма и сделало это течение вполне лояльным к самодержавному государству.

Другим ответвлением беспоповщины стала федосеевщина, возникшая даже несколько раньше поморщины, но окончательно оформившаяся позже, в начале XVIII века. Ранняя федосеевщина, состоявшая главным образом из беглых крестьян, характеризовалась резким неприятием абсолютистских порядков, крепостничества, официальной православной церкви и проповедью крайнего аскетизма (в частности, обязательного безбрачия). Однако уже к концу XVIII века эти непримиримость и пуританство ушли в прошлое, превратились в целую систему религиозных наказаний за те или иные нарушения своего учения. В нашем крае это течение было представлено главным образом в районах Кириллова, Верховажья, Устюжны.

Значительное распространение в вологодских землях получило и такое течение беспоповского старообрядчества, как филипповщина, появившаяся в 30–х годах XVIII столетия в результате отделения от поморщины части наиболее фанатичных раскольников, непримиримых к городской цивилизации, к несению государственных повинностей. Филипповцы уходили в безлюдные, труднопроходимые районы и обычно сжигали себя при появлении у них представителей власти или воинских команд. В нашей области последователи этого течения жили в основном в малонаселенных северных и северо–западных районах.

Филипповщина не была единственным расколом в поморщине, вызванным ее перерождением. Так, в середине XVIII века из поморщины выделилось согласие, получившее название «аароновщина» (по имени основателя Андрея Жукова, по прозвищу Ааронов). Оно получило в Вологодской губернии в XVIII–XIX веках распространение среди некоторой части патриархально настроенного крестьянства. Его приверженцы отвергали запись в раскольниковьи списки, отказывались платить старообрядческий двойной налог, не признавали паспорта. В отличие от большинства беспоповских течений, отрицавших брак, аароновцы допускали его совершение мирянином⁴.

Еще одним из ответвлений поморщины, распространенных во второй половине XVIII–XIX веков на Европейском Севере России (в том числе в Вологодской губернии), был адамантовский толк. Его последователи настолько сильно верили в наступление после никоновских реформ царства Антихриста, что даже не брали в руки ничего, что могло иметь

«Антихристову печать» (то есть изображение двуглавого орла): денег, паспорта, избегали жить в городах и селениях, чтобы не «осквернить» себя общением со «слугами Антихриста», являлись убежденными сторонниками брака, где бы он ни был заключен.

Самым сильным последствием перерождения ранних старообрядческих течений стало появление странничества, возникшего в конце XVIII века на фоне усилившегося в тот период бегства крестьян. В его вероучении особый упор делался на идее воцарения в мире антихриста (который якобы воплощался во всех русских царях, начиная с Петра I), от которого надо спастись, порвав все связи с обществом, и, приняв новое крещение, бежать в пустынные места или прятаться в тайных убежищах, где вести строго аскетический образ жизни. Выполнение таких требований было по силам лишь небольшому числу людей, и поэтому первоначально странничество было малочисленно. Широкий размах оно приобрело позднее, в первой половине XIX века, благодаря тому, что в него смогли войти и те, кто, формально выполняя страннические обязанности, оставался дома и устраивал там «пристани» — своеобразные перевалочные пункты на путях движения «истинных странников».

Пристанодержательство связало весь страннический толк в одно целое. Вся страна была опутана сетью таких пристанищ, содержать которые было очень выгодно, так как можно было эксплуатировать бегунов на весь период нахождения последних в пристанях. Пристани располагались преимущественно по рекам, в том числе и по бассейну Северной Двины (Сухона, Юг и др.), то есть по наиболее естественным путям передвижения странников. На территории современной Вологодской области таких пристаней насчитывалось, возможно, до сотни.

Таким образом, в силу определенных причин: не слишком большой удаленности от политических центров, более плотной по сравнению с Архангельской, Олонецкой губерниями заселенности, относительно высокого развития производительных сил, что разрушало патриархальность и тем самым изначально не создавало почвы для старообрядчества, — наш край не стал мощным старообрядческим очагом. Здесь не появились влиятельные центры старообрядчества. Однако современная Вологодская область была со всех сторон окружена местностями, которые являлись крупными базами старообрядчества различных толков. На северо-западе это был Выг, на юге (Ярославская губерния) — центр странничества и место распространения других толков, на западе находилось немало федосеевских общин. Север

(Вельский, Каргопольский уезды) и юго-восток (Костромская губерния) также являлись довольно мощными рассадниками раскола. Все это определило специфику здешнего староверия как широкого спектра раскольнических течений при относительно небольшом численном составе старообрядцев.

Официальные документы конца XVII — начала XVIII века весьма значительно понижают степень распространения старообрядчества. Эта картина наблюдается и в нашем крае. Так, экстракты, составленные по высочайшему указу 1741 г. на местах и отосланные в столицу, сообщают, что раскольников на Вологодчине нет вовсе⁵. Опровержением этого является волна самосожжений, прокатившаяся по нашему краю в тот период.

Еще в 1686 г. в Великорецком приходе Грязовецкого уезда сожглись 50 человек⁶.

В 1688 (или 1689) г. в Устюжском уезде, в Черевковской волости, в 120 верстах от Устюга, проживали в лесу 300 раскольников, которые сожглись после прихода воинской команды⁷.

Март 1690 г. — в Черевковской волости сгорели более 200 человек из разных волостей Устюжского уезда и других территорий⁸.

Август 1723 г. — в Черевковской волости около деревни Нестеровской сгорели 25 человек⁹.

Октябрь 1738 г. — в Важском уезде сожглись 30 человек¹⁰.

Новая волна самосожжений начинается после того, когда в результате отделения от Выга филипповщины и деятельности правительственных комиссий, преследовавших раскол, масса онежских старообрядцев филипповского толка уходит на восток и северо-восток. Около Устюга они основали 7 скитов, повыше их 10 пустыней и в Черевковской волости на реках Двине и Ергале, да на границе с Архангельской епархией еще 10 отдельных обителей¹¹. Если в 1739 г. тогдашний Великоустюгский архиепископ Гавриил докладывал в столицу, что в его епархии раскольников не имеется¹², то спустя 3 года тот же преосвященный сообщал уже о сильном распространении в Устюжской епархии раскола¹³.

Посылаемые же для розыска старообрядцев и предотвращения самосожжений воинские команды, как правило, только их ускоряли.

Октябрь 1742 г. — в Черевковской волости, на речке Пойле, существовал раскольничий скит, где жило человек 25. Посланная команда со священником обнаружила на указанном месте готовящееся самосожжение. Сожглись почти все, мало кого удалось спасти¹⁴.

Декабрь 1743 г. — в Уфтюжской волости, в деревне Огарковой, предала себя огню 64 раскольника, бежавших сюда из Черевковской волости. Команде удалось спасти лишь троих¹⁵.

Октябрь 1746 г. — в Важском уезде, в Тонецкой волости, сожглись до 100 человек, собравшихся из разных волостей¹⁶.

Декабрь 1748 г. — уже во время нахождения на кафедре в Великом Устюге архиепископа Варлаама, крестьяне из различных деревень Белослущкого стана бежали на Сузем, где сожглись. Погибло 70 человек¹⁷.

Октябрь 1753 г. — крестьяне Уфтюжской волости, собравшиеся близ Бердяевского починка на реке Ентале, сгорели в одной огромной избе в количестве 170 человек¹⁸.

1756 г. — в Устюжской провинции было несколько мелких самосожжений.

Однако из-за преследований властей старообрядческое движение здесь постепенно затухает.

Самосожжения были и в других местах Вологодской области.

Декабрь 1765 г. — сожглись раскольники в деревне Шибенце (Обонежская пятина)¹⁹.

Май 1771 г. — сожглись 14 староверов, собравшихся в Островском лесу, на границе Вологодского уезда с Пошехонским²⁰.

Таким образом, как мы видим, старообрядчество в действительности получило в тот период в нашем крае довольно значительное распространение, ибо только за первые две трети XVIII века здесь в результате самосожжений погибло более 500 человек. Для сравнения укажем, что по всей России в этот период погибло таким способом около 1400 человек²¹.

В первой половине XIX века старообрядчество на Вологодчине достигло в численном отношении своего расцвета. Сильнее всего оно распространилось в Грязовецком, Кадниковском и Тотемском уездах. Количество раскольников в нашем крае в тот период намного превышало заниженные официальные данные и доходило до 1% всего населения данных территорий.

В это время правительством в России усиленно насаждается единоверие как средство борьбы с истинным старообрядчеством. Эта участь, естественно, не минула и Вологодскую губернию. Единоверие, однако, нашло здесь распространение только в собственно Вологодском уезде, где мощный слой деревенской протобуржуазии, не желавшей иметь конфликтов с властью, находившейся рядом — в губернском городе, благожелательно отнесся к этой правительственной затее. Число

сторонников единоверия здесь довольно быстро росло и к середине XIX века достигло уже примерно 1,5 тысячи. Во всех же остальных уездах Вологодской губернии единоверцев не было вообще. То же самое можно сказать о положении единоверия в тогдашних северо-восточных уездах Новгородской губернии: Череповецком, Устюженском, Кирилловском, Белозерском.

Во второй половине XIX — начале XX в. старообрядчество в нашем крае не избежало кризиса, но он начался здесь позже и не проявился так ярко, как, например, в центральных районах страны, в связи с тем, что Вологодская и Новгородская губернии не были активно втянуты в процесс развития капитализма. Да и по плотности населения Вологодская губерния по-прежнему занимала одно из последних мест среди губерний Европейской России (оставляя позади себя в этом отношении только Архангельскую и Олонецкую губернии).

Прежде всего кризис, как и по всей России, испытывает на Вологодчине странничество. Пристанодержатели богатели, укрепляя свои торговые и ремесленные предприятия, размеры хозяйств на селе и обретая черты буржуазии. Одновременно после отмены крепостного права в 1861 г. резко сокращается численность рядовой массы из бегунства (которая состояла в основном из беглых крестьян). А после военной реформы 1874 г., отменившей 25-летнюю службу, практически прекратилось поступление и из беглых солдат. Лишившись источника эксплуатации, пристанодержатели стали искусственно создавать кадры «отщепленных от Антихриста», устраивая детские колонии (из сирот, подкидышей и т.д.), где дети вскармливались, обрабатывались идеологически, а с подросткового возраста отправлялись «странствовать» — на заработки. Но так долго продолжаться не могло. Невольные бегуны стали уходить в «мир Антихриста». С другой стороны, и капитал, вступивший в новый этап своего развития, стал искать другие, более соответствующие эпохе способы эксплуатации. Так, рост капитализма, выжав из бегунства все, что оно могло дать, стал в конце концов могильщиком этой секты.

Падало влияние аароновщины и адамантовщины (хотя окончательно свое существование эти согласия прекратили уже в советское время).

В лучшем положении находились поморщина и федосеевщина.

Наиболее крепки были позиции филипповщины, ибо многих крестьян до сих пор привлекали ее требования аскетической жизни.

В Вологодском уезде вполне благополучно существовало единоверие. Если в 1873 г., по официальным данным (которым в этом случае можно верить), здесь насчитывалось ровно 2000 единоверцев²², то в 1895 г. —

2539²³. В обоих случаях это составляет примерно 1,65% населения Вологодского уезда (без самой Вологды, где единоверцев не было).

Очагами раскола на территории современной Вологодской области по-прежнему были Грязовецкий, Кадниковский, Тотемский, Череповецкий уезды. Значительно превышало сотню число старообрядцев в Вологодском и Никольском уездах. В остальных местностях староверов почти не было.

Если в 1873 г. в Вологодской губернии (за вычетом населения герриторий, относящихся ныне к Архангельской области и республике Коми), по официальным заниженным данным, проживало 1910 староверов различных толков, что составляло примерно 0,26% всего населения²⁴, то в 1895 г. их было 2166, то есть примерно 0,22% всего населения²⁵.

Доказательством неблагоприятного состояния раскола в нашем крае в тот период является и значительное преобладание женщин-раскольниц над мужчинами в старообрядческих очагах в численном отношении (в 1,5–2 раза и более); ведь при таком положении дел религиозные учения могут только консервироваться, а не развиваться.

Таким образом, налицо наступающий кризис.

Здесь, однако, необходимо учитывать два противоположных фактора.

С одной стороны, уменьшавшиеся преследования старообрядцев приводили к тому, что они переставали скрывать свое истинное вероисповедание, а официальные данные все меньше занижались. Это заставляет предполагать, что реальное падение численности старообрядцев было еще сильнее.

С другой стороны, известно, что в конце XIX — начале XX в. центральная власть проводила активную переселенческую политику. В Сибири и на Дальнем Востоке всех переселенцев устроить не могли. Возникла идея поселить их на Севере: в Вологодской, Олонецкой, Архангельской губерниях. Правительство приступило к осуществлению широкой программы заселения северных губерний только в начале XX в., но самовольные переселения, причем в довольно больших масштабах, начались еще в 60–е годы XIX в. Так, например, Всероссийская перепись 1897 г. зафиксировала только в Никольском и Устюженском уездах Вологодской губернии 14361 не местного уроженца. В результате же правительственных переселений в Вологодскую губернию к середине 1913 года прибыло более 8200 человек²⁶. Вся эта масса переселенцев нестарообрядческого вероисповедания искусственно размывала соотношение старообрядцев и православных, а кризис в действительности был не столь уж силен.

Определенным подтверждением этому являются данные о состоянии раскола в западной части нынешней Вологодской области. Если к середине 70-х годов XIX столетия официальные данные говорят о наличии в этом регионе 895 зарегистрированных раскольников²⁷, то Всероссийская перепись 1897 г. дает цифру 4859 человек (из них 3823 — в Череповецком уезде)²⁸. Здесь, правда, следует учитывать, что данные переписи были, по уже названным причинам, значительно более объективными.

В любом случае, старообрядчество в нашем крае оставалось заметным явлением религиозной жизни общества и в начале XX в. Спектр раскольнических движений был по-прежнему очень широк и включал в себя все основные и многие мелкие толки и согласия беспоповщины²⁹. Численность старообрядцев только в Вологодской епархии (куда, правда, тогда входила и южная часть Коми края) составляла в 1904 г., по данным церкви, 7410 человек, из них 240 были внесены в раскольничьи списки только в 1903 году³⁰.

Об активном функционировании старообрядчества на Вологодчине в начале нынешнего века свидетельствует хотя бы деятельность мастерской, которую в деревне Гавриловской Тотемского уезда (ныне Тарногский район) устроил старообрядец Антон Калинин со своей семьей. Они писали иконы, но, самое главное, еще и печатали книги, в которых сюжеты обычных распространенных старообрядческих произведений преобразовывались в едкую сатиру на основы существовавшего общественного строя. Против них в 1903 г. был проведен уголовный процесс в уездном суде, но Калинин сумели скрыть эту самую опасную сторону своей деятельности и продолжали работу. Эта мастерская существовала и после Октябрьской революции вплоть до конца 20-х годов³¹.

Таким образом, вся история старообрядчества в нашем крае проходила по общим законам российского старообрядческого движения. Будучи недостаточно отдаленной, патриархальной стороной, чтобы стать значительным старообрядческим центром, Вологодчина не была и экономически передовым регионом, чтобы старообрядчество пережило здесь ранний и яркий кризис. Она разделила в этом смысле судьбу многих таких же российских провинциальных губерний, где раскол медленно развивался и тихо умирал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сапожников в Д.И. Самоожжение в русском расколе. М., 1891. С. 28.

- ² Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964. С. 45.
- ³ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. М., 1979. С. 86.
- ⁴ Миловидов В.Ф. Современное старообрядчество. М., 1979. С. 119.
- ⁵ Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. Т. XX. СПб., 1908. С. 895–897.
- ⁶ Мережковский Д. Красная смерть // Вологодские епархиальные ведомости. 1912. № 18.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. IV. СПб., 1876. С. 38.
- ¹⁰ Описание документов и дел... Т. XIX. СПб., 1906. С. 157–158.
- ¹¹ Сапожников Д.И. Указ. соч. С. 91.
- ¹² Описание документов и дел... Т. XIX. СПб., 1906. С. 16.
- ¹³ Там же. Т. XXIII. СПб., 1908. С. 64–82.
- ¹⁴ Сапожников Д.И. Указ. соч. С. 92.
- ¹⁵ Там же. С. 93.
- ¹⁶ Описание документов и дел... Т. XXVI. СПб., 1907. С. 522–527.
- ¹⁷ Сапожников Д.И. Указ. соч. С. 110.
- ¹⁸ Там же. С. 122–124.
- ¹⁹ Там же. С. 136.
- ²⁰ Там же. С. 136.
- ²¹ Миловидов В.Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969. С. 17.
- ²² Памятная книжка Вологодской губернии на 1875–1876 гг. Вологда, 1875. С. 20–23.
- ²³ Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 гг. Ч. 1. Вологда, 1896. С. 211–214.
- ²⁴ Памятная книжка Вологодской губернии на 1875–1876. С. 20–23.
- ²⁵ Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 гг. С. 211–214.
- ²⁶ Якименко Н.А. Переселенческая политика царизма и проблема заселения Севера европейской России // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1984. С. 80–87.
- ²⁷ Памятная книжка Новгородской губернии на 1876 г. Новгород, 1876. С. 6–10.
- ²⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. XXVI. Новгородская губерния. М., 1903.
- ²⁹ Общее девятнадцатое собрание членов Вологодского православного церковного братства во имя Всемилостивейшего Спаса и отчет о состоянии и деятельности сего братства за 19-й год его существования. Вологда, 1905. С. 48.
- ³⁰ Там же. С. 52.
- ³¹ Амосов А.А. Книгописная мастерская тарногских крестьян Калинкиных // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 131–137.